

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

---

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

С. М. Абрамзон

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ РОДСТВА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Настоящей заметкой я хочу обратить внимание тюркологов на некоторые термины родства, встречающиеся в отдельных тюркских языках в их сопоставлении с этим кругом терминов в памятниках древнетюркской письменности. В одной из моих работ уже ставился вопрос о необходимости пересмотра точки зрения А. Н. Бернштама, утверждавшего, что у племен, входивших в Восточнотюркский каганат, существовала описательная система родства.¹ Дальнейшее изучение материала еще более утвердило меня в мысли, что в основе системы родства этих племен лежала классификационная система. Само содержание памятников свидетельствует о том, что авторы надписей в ряде случаев употребляют термины, относящиеся к целому классу лиц той или иной степени родства. Трудно было бы объяснить бытование четко выраженной классификационной системы родства у большинства современных тюркоязычных народов, если бы такая же система родства не была характерна для их предков, оставивших письменные памятники.

Тщательного сопоставления древнетюркской лексики, выражающей родственные отношения, с номенклатурой родства в современных тюркских языках еще не было предпринято, хотя в обстоятельном исследовании Л. А. Покровской² и приводятся некоторые из этой категории терминов, почерпнутые из памятников древнетюркской письменности. Автор во введении к исследованию специально останавливается на особенностях «тюркской системы родства», проанализированных Н. П. Дыренковой на киргизском материале.³ К этому серьезному труду тесно примыкают работы Л. П. Потапова и К. Л. Задыхиной, относящиеся к терминологии родства у узбеков.⁴ Хотя последняя и имеет свои особенности, в целом она относится к той же системе родства, что и киргизская (эта система в этнографической литературе характеризуется как система «омаха»).

К числу важнейших особенностей рассматриваемой системы родства принадлежат дифференциация терминов родства по старшинству и полу и разграничение в терминологии отцовской и ма-

теринской линии родства. Однако попытка рассмотрения древнетюркской системы родства, предпринятая А. Н. Бернштамом, ограничивается анализом, главным образом, терминов, отражающих членение по старшинству и полу, и почти совсем не затрагивает очень существенной стороны этой системы: родства по материнской линии и свойства.⁵ Эта категория родства и свойства до недавнего времени играли очень большую роль в повседневной жизни ряда кочевых и полукочевых в прошлом тюркоязычных народов (алтайцев, тувинцев, хакасов, киргизов, казахов и др.).⁶ В тесной связи с ними находились и нормы брака у этих народов. Мы вправе допустить, что не меньшее значение материнская линия родства и свойства имели и в жизни древнетюркских племен.

Специалисты-тюркологи, изучавшие памятники древнетюркской письменности, подходили нередко к истолкованию содержащихся в них терминов родства, имея в виду главным образом членение на «старшее» и «младшее» родство и мужскую линию родственных отношений, хотя уже в известном Словаре В. В. Радлова имеются прямые указания на материнский счет родства.⁷

В качестве конкретного примера возьмем термины, приводимые в ДТС: *jegün* (с. 252), *jegin* (с. 253) и *taɣaj* (с. 526). К двум первым из них дано пояснение 'племянник', к третьему: 'дядя'. Такая трактовка терминов снимает вопрос о принадлежности их к определенным «классам», они выступают как термины индивидуальные, или описательные. Между тем, 'племянник' — понятие групповое, различающееся в зависимости от того, идет ли речь о детях брата, или о детях сестры, так же как и 'дяди', могут быть и по материнской и по отцовской линии, а это обстоятельство имело в повседневной жизни весьма реальное значение, вплоть до влияния на имущественные отношения.

В глоссарии к своему замечательному труду С. Е. Малов к термину *jägin* дает пояснение 'племянник, внук', а к термину *jigün* — 'название родства',⁸ а в глоссарии к другому своему труду поясняет термин *jigän* как 'родственник, (внук?)'.⁹ Но ведь речь идет не о племяннике и внуке вообще, а о племяннике и внуке со стороны брата матери. «Дядя, — пишет Н. П. Дыренкова, — называет племянника *šeeni* — у шорцев, *šeeni-jeeni* — у кумандинцев, *jeen* — у телеутов и шолганов-челканцев, *jeen* — у телеутов и шолганов-челканцев, *jeen* — у алтайцев и *neeni* — у тубаларов. Этим термином дядя называет кроме своих племянников, то-есть сына и дочери своей сестры, еще внуков своей сестры, сына и дочь своей дочери и т. д.»¹⁰ Аналогичное значение имеет термин *жээн* у киргизов: 'племянник или внук (по женской линии)'. Отсюда и термин *жээнчер* 'внучатый племянник, внучатая племянница (по женской линии)'.¹¹ Тот же термин *жээнчер*, равнозначный термину *тогончор*, служит у киргизов для обозначения правнука, правнучки по дочери.¹²

Термин *тогончор* представляет особый интерес. Он не встречается в других тюркских языках. Как мне любезно разъяснил

акад. А. Н. Кононов, этот термин, как и туркменский *доган* (в значении 'брат'), восходит к глаголу *доб, тоб* 'родиться'. Суффикс *-чор* разъясняется из башкирского термина *ейенсар* 'внучка' и якутского *сиэнчер* 'потомство по прямой и боковой женской линии' и имеет близкое отношение к бурятскому *зэнсар* 'правнук по женской линии', где «суффикс *-сер, -сэр, -сор*, с предыдущим *-н* непродуктивный, образует от предметного имени предметное имя с уменьшительным значением». ¹³ Как отмечает А. Н. Кононов: «Уменьшительные формы имен существительных в тюркских языках широко используются для обозначения н и с х о д я щ е г о р о д с т в а (разр. моя, С. А.), потомства человека и животных». ¹⁴ В термине *тогончор* мы, очевидно, имеем дело именно с таким случаем.

Кстати, А. Н. Кононов, обращаясь к термину *inijigün*, трактуемому С. Е. Маловым как 'младшие родственники', ¹⁵ справедливо ставит вопрос: «не следует ли здесь видеть сложное слово, состоящее из *ini* 'младший брат' + *yägin ~ yägün* 'племянник', 'внук', 'мои младшие родственники'?» ¹⁶ Поскольку, как мы видели выше, речь идет о «племяннике» по женской линии, объяснение термина *inijigün* требует корректив. В этом термине объединены младшие родственники по мужской и женской линии, а это вызывает законное предположение о том, что в древнетюркском обществе сохранялись черты матрилокального брака: в семью могли входить не только потомки главы семьи, имевшей уже патриархальный облик, но и потомки его сестер, что служит свидетельством совместного проживания женатых братьев и замужних сестер, отголоска явления, характерного для более раннего этапа развития семейных отношений. Пояснение 'дядя' к термину *тагај* совершенно неправомерно, ибо речь должна идти о 'дяде со стороны матери'. Между таким 'дядей' и его племянником устанавливались особые отношения, которые подробно проанализированы Н. П. Дыренковой на примере тюркоязычных народов Алтая. ¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абрамзон С. М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье. — В кн.: Тюркологический сборник 1972. М., 1973, с. 300.

² См.: Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, с. 25—26.

³ Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. — В кн.: Сборник этнографических материалов № 2. Л., 1927.

⁴ Потапов Л. П. Материалы по семейно-родственному строю у узбеков кунград. — Научная мысль, 1930, № 1, Ташкент; Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952, с. 397—408; Приложение: Термины родства и свойства (по отцу и по матери), с. 415—426.

⁵ Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1946, с. 88—93.

⁶ См.; например: Дыренкова Н. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Аванкулат. — СЭ, 1937, № 4, с. 18—45; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 203—206, 214—217.

⁷ РО, т. III, ч. I, стб. 317, 328, 765.

⁸ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 387—388.

⁹ Малов С. Е. 1) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 96. Ср.: 2) Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1962 с. 84—85; Jäginimін атымын көртiм 'Я видел моих племянников и внуков'.

¹⁰ Дыренкова Н. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, с. 20.

¹¹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 285, прим. I.

¹² Там же, с. 740. Термин *тогончор* был зафиксирован мною впервые в 1948 году.

¹³ Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках, с. 52. В этой работе автор дает весьма верное толкование классификационного термина *йеген*.

¹⁴ Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969, с. 23.

¹⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 381. Ср.: ДТС: *ini jegün* 'младшие родичи' (с. 210).

¹⁶ Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности. . . с. 22—23.

¹⁷ Дыренкова Н. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, с. 21—33.